

Предисловие главного редактора:

Народный Храм относится к числу организаций, оказавших серьезное влияние на отношение общества к проблеме нетрадиционной религиозности. Действительно, не каждый день в культах теряют свои жизни 923 человека. Тем не менее, читая статьи и книги о Народном Храме, сложно избавиться от мысли о том, что самые важные уроки истории этой организации мы не только не выучили, но даже не смогли до конца распознать. Одержимость исследователей самим фактом самоубийства такого большого количества людей, а также неизменная попытка объяснить всю историю организации сквозь призму этого события не позволяют увидеть в Народном Храме нечто большее, чем группу оголтелых фанатиков и их жертв. При этом поражает полное невнимание к тысячам документов этой организации, доступных в настоящее время для анализа. Даже поверхностное ознакомление с этими материалами свидетельствует о том, как мало мы на самом деле знаем о Народном Храме и как много интересного можно было бы о нем рассказать помимо истории о массовом самоубийстве. К сожалению, даже само самоубийство многие сектоведы не могут достаточно адекватно описать и представить. Глубокая, сложная и интересная история этого культа превращается в страшилку для СМИ.

В настоящем выпуске публикуются три документа, имеющие непосредственное отношение к самоубийству. Они вырваны из контекста огромного количества иных документов, касающихся этого события и организации в целом. Проливая некоторый свет на происшедшее, они ставят перед исследователем еще больше вопросов. В то же время они мешают самим фактом своего существования любому упрощенному взгляду на эту организацию.

Первый документ — знаменитая «Смертная запись» — расшифровка и перевод аудиозаписи, сделанной Джимом Джонсом в процессе массового самоубийства общины. На ней Джонс беседует с прихожанами, обосновывает необходимость умереть, отвечает на вопросы, оговаривает технические детали самого процесса. В момент записи пленки люди один за другим выпивают яд и дают его своим детям. Существование этого документа не вызывает особого удивления: в Народном Храме записывались на аудио практически все без исключения значимые события и даже рядовые собрания. До ученых дошло несколько тысяч пленок, отражающих самые разные аспекты жизни группы. К сожалению, письменный текст не отражает интонаций Джима Джонса, самой атмосферы собрания, плача детей, реакции общины на слова Джонса, фоновых звуков и той достаточно мрачной музыки, под которую умирали люди.

Второй документ — заявление Майкла Прокса прессе, сделанное им спустя 4 месяца после массового самоубийства. Собрав пресс-конференцию, Прокс, профессиональный журналист

и ответственный за контакты со СМИ в Народном Храме, зачитал это заявление, извинился перед журналистами, вышел в туалет и убил себя выстрелом из револьвера в голову. В момент массового самоубийства Прокс и еще несколько человек были отосланы из общины с определенным заданием. Он выжил и был в курсе практически всех событий в Народном Храме. Одной из важнейших составляющих заявления Прокса прессе было указание на «Смертную запись», которая на тот момент была засекречена и недоступна для широкой общественности. Не высказывая своего отношения к версии событий, представленных в интерпретации Прокса, мы можем только констатировать, что его заявление играет важную роль в сонме документов по этому вопросу.

Третий документ — результаты единственного судебного процесса, связанного с массовым самоубийством в Народном Храме. Ларри Лейтон, обвиняемый, был долгое время членом Народного Храма, являлся непосредственным участником расстрела делегации конгрессмена Лео Райана и, наверное, единственным, кого сумели схватить живьем на месте преступления. В данном случае мы приводим решение Апелляционного суда 9-го округа США, т.е. окончательный вердикт по делу Лейтона. В нем содержатся некоторые интересные детали происходившего, которые не дошли до ученых из иных источников информации. Соответственно, сам текст постановления приводится не полностью, но только в той части, где сообщается важная информация относительно Народного Храма. В альманахе опущены такие второстепенные пункты судебного процесса, как оспаривание Лейтоном компетенции суда по рассмотрению дела, возможность экстерриториального применения законов США, допустимость заявлений Джима Джонса в качестве свидетельств по его делу, достаточность доказательств участия Джонса и Лейтона вговоре, наличие ошибки адвоката относительно тяжести грозящего приговора, место проведения суда, невозможность пригласить свидетелей со стороны Лейтона, правильная интерпретация тех или иных статей американского законодательства и множество иных чисто процедурных и юридических вопросов, имеющих непосредственное отношение к маневрам защиты, направленным на максимальное уменьшение грозящего наказания. В то же время окончательные пункты решений суда по всем аргументам Лейтона переведены.

Мартиневич В.А.

ДЖОНСТАУН «СМЕРТНАЯ ЗАПИСЬ»

Запись предоставлена Федеральным бюро расследований, Министерство юстиции, Вашингтон.

Номер записи: Q 042, так называемая «Смертная запись»¹

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ,
ВАШИНГТОН 20535

13 декабря 1978 года

НОМЕР ФАЙЛА ФБР. 89-4286

НОМЕР ЛАБОРАТОРИИ. 81207075-GUV/SH

ДЕЛО: RYMUR

Исследование проводилось по запросу Отдела криминальных расследований

Примечания: (отсутствуют)

Цель исследования: анализ записи

Замечания по делу: (отсутствуют)

Приложение (1) (1 запись)

Дата получения образца: 07 декабря 1978 года, доставлено лично из Гайаны (имя удалено)

Qc42 Копия записи-оригинала «Смертная запись»

Заключение расследования: Настоящий прилагаемый документ является записью Q 042.

Данный образец записи хранится в штабе ФБР.

Джонс: Как сильно я любил вас, как сильно же я старался делать всё возможное, чтобы дать вам хорошую жизнь. И, несмотря на все мои старания, группа наших людей сделала своей ложью нашу жизнь невозможной. Мы не можем дистанцироваться от того, что произошло сегодня. Мы не просто оказались в сложной ситуации, не просто есть те, кто покинул нас, совершив предательство века, некоторые из них украли детей у родителей и после этого прямо сейчас ищут способ убить их, потому что украли их детей, а мы сидим здесь, как на пороховой бочке, и ждем. Я не думаю, что это то, чего мы хотели для наших детей. Я не думаю, что это то будущее, которого бы мы для них хотели. Еще в незапамятные времена величайшим из пророков было сказано: «Ни один человек не лишит меня жизни, только я сам могу это сделать»².

Толпа: Да!

Джонс: Так, сидеть здесь и ждать катастрофы, которая случится на

¹ Прим. гл. ред.: От англ. «Deathtape».

² Прим. гл. ред.: Парافраз слов Иисуса Христа из Ин. 10: 18.

том самолете (а там произойдет катастрофа)... Она почти случилась здесь, почти случилась... конгрессмена чуть было не убили здесь... Но нельзя же красть у людей детей. Нельзя скрыться с детьми других людей и не ждать яростной реакции. И мы это знаем, даже если бы мы были иудео-христианами и даже если бы мы не были коммунистами. Земное царство страдает от жестокости, которая порождается силой. Если мы не можем жить в мире, то давайте умрем с миром.

Толпа: (аплодисменты)

Джонс: Нас предали, нас так ужасно предали, но мы старались, и, как частенько говорил Джек Бим (я не знаю, где он сейчас находится, бедняга Джек), он говорил — если даже оно работало один день, это того стоило.

(одобрительные возгласы)

Джонс: Из того, что здесь произойдет через несколько минут, не позднее, так это то, что один из пассажиров того самолета застрелит пилота. Я знаю это. Я не планировал этого, но я знаю, что это случится. Они застрелят пилота, и самолет упадет в джунглях, и будет лучше, если наших детей уже не будет, когда это произойдет, потому что они спустятся сюда на парашютах. Я вам говорю это прямо, как всегда говорил, я никогда вам не врал, я никогда вам не врал. Я знаю, случится именно это, это то, что он собирается сделать, и он это сделает. Он это сделает. То, что все эти люди повели себя так предательски, совершенно сбило меня с толку, просто для меня это слишком, чтоб собрать все воедино, но сейчас я осознаю то, что он мне говорил, и это произойдет. Если самолет вообще взлетит. Поэтому я считаю, мы должны быть добры к детям и быть добры к пожилым, и принять яд, как принимали в Древней Греции, и уйти с миром, потому что мы не совершаем самоубийства. Это революционное действие. Мы не можем вернуться к прошлой жизни. Они не оставят нас в покое. Сейчас они возвращаются, чтобы врать еще больше, что значит — будут и другие конгрессмены. И у нас нет ни одного шанса, ни одного шанса выжить. Любой... Пусть всякий, кто думает иначе, выскажется... Да... У вас может быть шанс, но если вы оставите своих детей, их зверски убьют. Мы можем нанести удар, но мы будем нападать на тех, на кого не хотим нападать. А то, чего бы мы хотели, — найти людей, из-за которых произошла эта ерунда, и есть, здесь есть кое-какие люди, они подготовлены и знают, как это сделать... Сходите в город и приведите Тимоти Стоуна, но самолета нет, самолета нет, вы не сможете вовремя сесть на самолет. Он в ответе за это. Он привел этих людей к нам. Он и Денна Миртл. Но люди из Сан-Франциско так этого не... не оставят. Знаете, они не дадут нам умереть так просто ... Да, Кристин...

Кристин Миллер: Как насчет России, уже слишком поздно?

Джонс: Сейчас объясню, почему думать о России слишком поздно. Они убили. Они начали убивать. Вот почему думать о России слишком поздно. Иначе я бы сказал: «Россия, на кону твои жизни». Но уже слишком поздно. Я не могу сдерживать этих людей. Они далеко. Они

ушли с оружием, и уже слишком поздно. И стоит нам кого-то убить... по крайней мере... это то, как я всегда... я всегда связывал свою судьбу с вашей. И когда кто-то из моих людей делает что-либо, ответственность лежит на мне ... Понимаете, я могу и не брать на себя вину за происшедшее, но я живу по-другому. Они сказали, чтобы я выдал Юджару, который пытался вернуть сюда этого человека. Юджару, чья мать врала, и врала ему, и пыталась разрушить эту семью, и все они договорились убить нас любой ценой. Вы думаете, я выдам им Юджару? Ни за что на свете. Нет.

Толпа: Нет! Нет!

Неизвестный мужчина: Есть ли вероятность того, что если я поеду, то это как-то поможет?

Джонс: Нет, ты не поедешь. Ты не поедешь.

Толпа: Нет! Нет!

Джонс: Не поедешь. Я не могу так жить. Я не могу так жить. Я жил для всех, и я умер за всех.

(аплодисменты)

Джонс: Я жил надеждой долгое время, Кристин, и я ценю — ты всегда была очень хорошим агитатором. Мне нравится агитация, потому что тебе приходится рассматривать одну проблему с двух сторон, и две стороны одного вопроса. Но что сделают те люди, если они добьются своего? Они превратят нашу жизнь в ад, даже хуже, они сделают так, что русские нас не примут. Когда они добьются своего своей ложью... Они так много рассказывали лжи, начиная оттуда и заканчивая тем грузовиком, что с нами всё кончено, как и любой другой альтернативой.

Миллер: Ну, я предлагаю полететь в Россию, это то, что я предлагаю. Я думаю, что ничего не возможно уже сделать, если ты в это веришь.

Джонс: Но как мы... Как ты собираешься полететь в Россию?

Миллер: Ну, я думала, они сказали, что если мы попадем в экстренную ситуацию, мы можем дать им знать с помощью кода связи, который они тебе дали.

Джонс: Нет, это не так. Они дали нам код, по которому они смогут сообщить нам о проблеме, а не для того чтобы мы создавали проблемы им. Они сказали, если мы ... если бы они увидели, что дела в стране плохи, они бы согласились дать нам код, они дали бы нам код. Ты можешь проверить это и посмотреть, соответствует ли это коду. Свяжись с Россией и посмотришь, примут ли они нас немедленно. Иначе мы умрем. Я не знаю, что еще ты можешь сказать этим людям. Но для меня смерть — это не... смерти не надо бояться, это жизнь полна предательства...

(аплодисменты)

Джонс: Я еще никогда, никогда, никогда, никогда в своей жизни не видел ничего подобного. Я никогда не видел, чтобы люди брали закон... и делали... своими собственными руками, и провоцировали нас, и пытались намеренно агитировать и совершить детоубийство. В этом нет смысла, Кристин, на самом деле такая жизнь ничего не стоит... такая жизнь ничего не стоит.

Миллер: Я думаю, что те несколько человек, которые ушли, не стоят того, чтоб 1200 человек отдавали свои жизни за тех, кто ушел.

Джонс: Ты знаешь, сколько человек ушло?

Миллер: Ммм, около двадцати... это, это мало...

Джонс: ...около двадцати, около двадцати...

Миллер: По сравнению с теми, кто остался здесь.

Джонс: ...около двадцати. Но что произойдет, если им не удастся уйти? Я надеюсь, они смогут уйти... Но, что будет, если у них не получится?

Миллер: Ты говоришь о тех, кто остался здесь?

Джонс: Да, что будет с нами, если им не удастся уйти? Если они сядут на самолет и самолет разобьется?

Миллер: Я не думаю, что он разобьется.

Джонс: Ты не думаешь, что он разобьется?

Толпа: Да, разобьется...

Джон: Я хотел бы сказать тебе, что ты права, но прав я. Там есть один человек, который обвиняет Эдди Блэки в убийстве, что справедливо, в убийстве его матери, и он... он остановит этого пилота любым способом. Он сделает это. Этот самолет упадет. Самолет не может лететь без пилота.

Миллер: Я говорила не об этом самолете. Я говорила о самолете, на котором мы могли бы улететь в Россию.

Джонс: Как... В Россию? Ты думаешь, Россия захочет... нет, не захочет... Ты думаешь, Россия захочет принять нас со всем этим позором? Мы действительно имели некоторую ценность, но теперь мы ничего не стоим.

Миллер: Ну, я смотрю на это по-другому. То есть, мне кажется, пока жизнь продолжается, остается надежда. Это то, во что я верю.

Джонс: Но однажды мы умрем, где-то эта надежда иссякнет. Потому что все умирают.

Миллер: Верно, верно.

Джонс: Я еще не встречал бессмертных. И я бы хотел для разнообразия сам выбрать свою кончину. Я устал от адских мук, вот от чего я устал.

Толпа: Верно, верно.

Джонс: Устал от этого.

(аплодисменты)

Джонс: Устал от того, что я в ответе за жизни людей, и я, конечно, не хочу быть в ответе за твою жизнь, и скажу тебе, Кристин, без меня жизнь не имеет смысла. (аплодисменты) Я твой лучший друг из всех друзей, которые у тебя когда-либо были. И раз уж, раз уж мне приходится платить, я остаюсь с Юджарой, я остаюсь с этими людьми. Они часть меня. Я мог бы дистанцироваться... мой адвокат говорит, чтобы я дистанцировался... нет, нет, нет, нет, нет, нет... Я никогда не отделю себя от любых ваших бед. Я всегда нес ваши беды на своих плечах, и сейчас я не собираюсь это менять. Слишком поздно. Я слишком долго бежал. Сейчас не собираюсь менять. (аплодисменты) Может, ты попадешь в Россию в следующий раз...

в следующий раз. То... о чем я сейчас говорю, является освобождением от суда. Это революционный... это совет революционного самоубийства, я говорю не о само... самоуничтожении. Я хочу сказать, что у нас нет другого пути. Я возьму твою просьбу. Мы обратимся с ней к русским, и я могу предсказать тебе их ответ сейчас, потому что я пророк. Свяжись с русскими и скажи им, и посмотришь, примут ли они нас.

Миллер: Дело не в том, что я боюсь смерти ...

Джонс: Я не думаю, что ты боишься...

Миллер: Нисколько...

Джонс: Я не думаю, что ты боишься...

Миллер: Но я смотрю на всех этих детей, и думаю, что они достойны жить...

Джонс: Я согласен...

Миллер: Знаешь...

Джонс: Но они также заслуживают... еще больше они заслуживают мира.

Миллер: Мы все пришли сюда за миром...

Джонс: И мы, мы его получили?

Кристин и толпа: Нет...

Джонс: Я пытался дать его вам. Я практически заплатил своей жизнью, я практически умирал каждый день, чтобы дать вам мир и покой. И у вас все еще нет никакого покоя. Вы выглядите лучше, чем в прежние времена, но это все-таки не тот мир, который я хочу вам дать. Глупец тот, кто продолжает утверждать, что выиграл, в то время как он проиграл. Получаешь одно, теряешь в два раза больше... Что? Я не расслышал тебя, эм, нужно говорить громче... Это забавно, кто это сказал? ... Поднимись и скажи это еще раз, милая. Поднимись и скажи о (неразборчиво)... дорогая... (неразборчиво) взлетит, никакой самолет не взлетит... это самоубийство. Они это сделали. Стоун сделал это, но кто-то должен жить... кто-то... могут ли они говорить... могут ли они молчать в Сан-Франциско... Стоуну не сойдет с рук такое преступление, такое преступление. Он сделал то, что хотел сделать, чтобы уничтожить нас.

Миллер: Когда ты, когда ты, когда мы себя уничтожим, мы проиграем... ты говоришь «Позволим врагу победить нас».

Джонс: Ты видела, ты видела «Я живу, чтобы больше никогда не сражаться»?

Миллер: Да, я это видела.

Джонс: Ты не почувствовала гордость и триумф в том человеке, потому что он не подчинится воле и прихоти людей, которые говорят, что придут, когда захотят, ворвутся в наш дом, придут, когда захотят, заберут тех, кого захотят забрать, будут говорить с теми, с кем захотят говорить... разве это жизнь... для меня это не жизнь. Это не свобода. Это не та свобода, которую я искал.

Миллер: Но мне кажется, когда они остановились, чтоб отдохнуть,

они допустили ошибку. Если бы они продолжали, они бы сделали это. Но они остановились, чтоб отдохнуть...

Джим Макилвейн: Всё кончено, сестра, всё кончено. Мы создали этот день... Мы создали превосходный день, давайте сделаем его превосходным... вот что я предлагаю.

Джонс: Мы побеждаем, мы побеждаем, когда терпим неудачу. Тиму Стоуну больше некого ненавидеть. Ему больше некого ненавидеть. Потом он уничтожит самого себя. Я говорю сейчас не как администратор, я говорю сегодня как пророк. Я бы не сидел здесь и не говорил так серьезно, если б не знал, о чем говорю. Есть ли какой-нибудь способ предотвратить... чудовищный ущерб, который будет нанесен? Но я не могу отделить себя от страданий своих людей. И ты тоже не сможешь, Кристин, если ты перестанешь думать об этом. Ты не можешь отделиться. Мы слишком многое пережили вместе.

Миллер: Я это знаю. Но я все-таки думаю, что как личность я имею право на...

Джонс: Верно, я слушаю...

Миллер: На то, что чувствую, и мне кажется, все мы, как личности, имеем право на нашу собственную судьбу.

Джонс: Верно...

Миллер: И я думаю, что имею право выбрать свою, и каждый имеет право выбрать его судьбу.

Джонс: М-мм...

Миллер: Понимаешь?..

Джонс: Ммм... Я не критикую, я не спорю... Что у тебя?

Неизвестная женщина (в толпе): Она говорит так, будто хочет уйти от нас, что ж, пусть делает, что хочет ... это наши собственные жизни — это то, что ты говоришь.

Миллер: Верно.

Джонс: Это то, что сегодня, что сегодня своими жизнями сказали двадцать человек.

Миллер: Я думаю, у меня все еще есть право на свое собственное мнение.

Джонс: Я не лишаю тебя его. Я не лишаю тебя его.

Макилвейн: Кристин, ты стоишь здесь только потому что сперва здесь был он. Поэтому я не понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о том, что имеешь личную жизнь. Твоя жизнь продолжалась до сих пор только благодаря ему.

Джонс: Несмотря на это, у нее есть такое же право голоса, как и у всякого другого. Что ты сказала, Луви (нечетко)? Если в этот день ты не умрешь, ты будешь жалеть об этом. Ты будешь жалеть, если не... что ты не умерла. Ты пожалеешь об этом.

Миллер: (неразборчиво) ...человек, который спас так много людей?

Джонс: Я спас их, я спас их, но я показал пример. Я сделал свое признание. Я проявил себя, и мир был готов... был не готов для меня.

Павел сказал: «Я был рожден несвоевременно».³ Я был рожден несвоевременно, так же, как и все мы, и лучшее свидетельство, которое мы можем сделать, — это покинуть этот Богом проклятый мир.

(одобрительные возгласы)

Неизвестная женщина: Она, должно быть, боится умереть.

Миллер: Я не говорю с ней. Ты позволишь ей говорить или мне?

Джонс: Ты говори.

Миллер: Ты можешь заставить ее сесть и дать мне слово, пока я тут стою, или пусть говорит она?

Джонс: ...нехорошо указывать своему руководителю, что делать. На самом деле. Я тебя выслушал. Ты спросила меня о России. Я прямо сейчас звоню в Россию. Что ты еще предлагаешь? Я тебя слушаю. Если я получу от России хоть малейшую поддержку, я только что попросил ее сходить туда и сделать это.

Неизвестная женщина: В этой чертовой России нечего делать, проклятая Богом страна... (пауза).

Неизвестный мужчина: Хорошо, теперь давайте все успокоимся, мы пришли не... хватит, хватит, хватит, хватит...

Джонс: ...понадобится еще больше времени.

Толпа: Верно.

Джонс: Оставьте свое время, я собираюсь оставить свое время, на берегу реки, от него стоит избавиться здесь... в Гайане. Какая разница? Ни один человек не отнял у нас наши жизни, на данный момент, не отнял, но когда они начнут спускаться с неба на парашютах, они застрелят кого-то из наших невинных детей. Я не... Я не хочу видеть это, Кристин. Они застрелят меня, чтобы добраться до кого-то из этих людей. Я не позволю им забрать Юджару. Ты можешь позволить им забрать Юджару?

Толпа: Нет, нет!

Миллер: Ты хочешь видеть, как умрет Джон?

Джонс: Что ты сказала?

Миллер: То есть ты хочешь, чтобы маленький Джон, который...

Джонс: Я хочу...

(громкие крики, неразборчивая речь)

Джонс: ...спокойно, спокойно, спокойно, спокойно, спокойно, спокойно, спокойно.

Неизвестная женщина: Кристин, ты хочешь сказать, что он думает о них больше, чем о других детях?

Джонс: Джон, Джон...

Неизвестная женщина: Потому что ты говоришь...

Джонс: Ты правда думаешь, что для меня жизнь Джона дороже других? Если бы я ценил жизнь Джона больше остальных, я не защищал бы Юджару. Я отослал бы Джона, сегодня он мог бы отправиться по дороге.

Миллер: Он молод... они молоды...

³ Прим. гл. ред.: Парافраз второй части слов ап. Павла из 1 Кор. 15: 8.

Джонс: Я знаю, но я не вижу разницы между ним и любим другим ребенком здесь. Он всего лишь один из моих детей. Я никому не отдаю предпочтение. Я не отдаю ему предпочтение перед Юджарой. Я не могу так поступать. Я не могу отделить себя от содеянного вами либо им.

Неизвестная женщина: Ничего не выйдет.

Джонс: Если бы вы допустили ошибку, я бы остался с вами. Если они хотели приехать и забрать вас, им сначала пришлось бы взять меня.

Неизвестный мужчина: Поэтому мы все готовы пойти за тобой. Если ты говоришь, что сейчас нам придется отдать свои жизни, мы готовы. Я уверен, остальные братья и сестры согласны со мной.

Джонс: В течение месяцев я старался не допустить этого, но теперь я вижу, что... что то, что с нами произошло — воля Высшего Существа. Мы платим своими жизнями, выражая протест тому, что произошло. Мы платим своими жизнями, выражая протест тому, что происходит. Преступность людей, жестокость людей. Кто сегодня ушел отсюда? Вы видели тех, кто ушел? В основном белые, в основном ушли белые. Я так благодарен тем, кто этого не сделал, тем, кто знает, кто они такие. В этом нет, в этом нет никакого смысла. Мы были рождены раньше нашего времени. Они нас не примут. И я не думаю, что нам нужно сидеть здесь сложа руки и терять время, подвергая все большей опасности наших детей, потому что если они придут за нашими детьми и мы их отдадим, тогда наши дети будут вечно страдать.

Миллер: ...здесь другая ситуация.

Джонс: Я не спорю с тобой сейчас, я тебя люблю. Я тебя очень люблю.

Миллер: Люди реагируют враждебно, когда ты пытаешься...

Джонс: О да, некоторые ведут себя так. Но...только некоторые. Взгляни на это по-другому. Я вам не враг. Ты честная женщина, и ты осталась. Если бы ты хотела сбежать, тебе пришлось бы бежать с ними, потому что все, кто хотел, могли сделать это сегодня. Я знаю, ты не такая, как они, и твоя жизнь ценна для меня. Так же ценна, как и жизнь Джона. И я не... то, что я делаю, я рассматриваю в здравом уме и трезвой памяти. Я взвесил все «за» и «против».

Миллер: Это всё, что я хотела сказать.

Джонс: И что теперь, дети мои, как нам поступить?..

(Грузовик возвратился со взлетно-посадочной полосы)

Неизвестный мужчина (на фоне): Так, ... хватит! Сядьте прямо здесь... (громкий взволнованный шум на фоне) Оставайтесь сидеть...

Джонс (неразборчивая речь): Спокойно, спокойно, спокойно, спокойно ... что теперь ... не позволяйте... уведи Двайера в нижнюю часть середины... (?) ...восточного дома... Уведи Двайера в нижнюю часть...

Неизвестная женщина: Пожалуйста, не шумите.

Джонс: ...если у вас есть хоть какое-то уважение к своим жизням!

Макилвейн: Сядьте, сядьте, сядьте.

Джонс: Я знаю... Мммм-мммм-ммм. Я так старался, так старался. Здесь, старался здесь, чтобы увидеть, что может, что может произойти

(невнятно) ...кто это? (неразборчивые голоса)

Джонс: ...Уведите Двайера отсюда, пока с ним ничего не случилось... (пауза) ...Двайера.

Неизвестный мужчина: Юджару?

Джонс: Я говорю не о Юджаре, я сказал — Двайер. Никто не заберет Юджару, я не позволю им забрать Юджару... (пауза) ...Соберитесь вместе, дети мои, это несложно, это несложно. Да, дорогая... (пауза)

Неизвестная женщина: Одно время я чувствовала то же, что и Кристин. Но после сегодняшних событий я ничего не чувствую, потому что большинство тех, кто нас оставил — белые, и это причинило мне огромную боль, потому что...

Джонс: Это разбило твое сердце, не так ли?

Неизвестная женщина: Мне разбила сердце мысль, что все эти годы белые были с нами, но они не являются частью нас. Поэтому, наверное, нам лучше покончить со всем этим, потому что я не вижу...

Неизвестный мужчина: Тихо, конгрессмен убит... (пауза)

(звучит музыка)

Неизвестный голос на фоне: Все кончено...

Джонс: Всё кончено, всё кончено... что за наследие, что за наследие. Действия Красных бригад — единственное, что когда-либо имело смысл. Они вторглись в нашу частную жизнь, они пришли в наш дом, они преследовали нас 6000 миль. Красные бригады научили их справедливости, конгрессмен мертв... пожалуйста, принесите нам лекарство⁴. Это просто, это просто, не будет никаких конвульсий, всё очень просто, только прошу, примите это, пока еще не слишком поздно. Силы обороны Гайаны скоро будут здесь. Я прошу вас, быстрее, быстрее, быстрее... (неразборчивая речь)

Голос на фоне: Нет, нет, нет, нет...

Джонс: Не бойтесь смерти... (неразборчивая речь) ...если эти люди появятся здесь, они будут пытаться наших детей. Они будут пытаться наших родных, они будут пытаться наших пожилых людей. Нам этого не нужно.

Толпа: Верно, верно.

Джонс: Вы хотите отделиться от того, кто застрелил конгрессмена? Я не знаю, кто его застрелил...

Толпа: Нет, нет, нет, конечно, нет.

Джонс: Я готов выслушать ваши жалобы, но те люди имели полное право уйти и имели полное право... сколько людей погибло? О, Боже Милостивый, Боже Милостивый... Ммммм?..

Неизвестный мужчина: Пэтти Паркс мертва.

Джонс: Пэтти Паркс мертва?

Неизвестная женщина: ...ты, и те кто достаточно долго находился в безопасности, могли бы писать о великодушии Джима Джонса...

Джонс: Не знаю, как они будут писать о нас и будут ли. Уже слишком

⁴ Прим. гл. ред.: В оригинале используется термин «medication» — от англ. лекарство, лечение, лекарственный препарат. Однако в данном случае Джонс имеет в виду яд.

поздно, слишком поздно. Конгрессмен мертв, его больше нет, многие из тех, кто нас предал, мертвы, все они лежат там, мертвые. Ммммм?..

Толпа: Правильно, правильно.

Джонс: Я этого не делал, но это сделали мои люди. Это сделали мои люди. Они мои люди...

Толпа: Верно, верно.

Джонс: ...и их слишком сильно провоцировали...

Толпа: Верно, верно.

Джонс: ...их слишком сильно провоцировали. То, что тут произошло, было слишком... это было результатом провокации ...

Неизвестная женщина: Они сделали это сами... они сделали это...

Неизвестная женщина: Возможно ли хоть как-нибудь попросить их передать Теде что-то, это всё, что мне нужно. Хорошо?

Джонс: О чем ты говоришь?

Неизвестная женщина: Я говорю, есть ли хоть какой-то способ сделать, можешь ли ты сделать так, чтобы они дали Теде что-то, чтобы ему не пришлось проходить через это. Хорошо? Это всё, что мне нужно.

Джонс: Да, хорошо... Теда, да, да, да...

Неизвестная женщина: Потому что, как я уже сказала, я никогда не желала его смерти... и я благодарна тебе за всё.

Джонс: (неразборчиво)

Неизвестная женщина: Ты, ты единственный, ты единственный, и я благодарна... (аплодисменты на фоне)...

Джонс: Прошу вас, прошу вас. Давайте поторопимся, давайте поторопимся с этим лекарством. Вы не понимаете того, что вы сделали... (пауза) ...Я старался. (аплодисменты на фоне) ... (неразборчиво) ...Они наблюдали за происходящим и бросились в кусты, оставив пулеметы. Я никогда в своей жизни... Но это еще не конец... (музыка и гул на фоне). Вам нужно торопиться. Вы будете принимать лекарство здесь? Вам нужно торопиться...

Неизвестная женщина: Быстрее!

Джонс: Марселина, у нас 40 минут.

Неизвестная женщина: Нужно торопиться, те, кто стоят в проходе, пройдите (неразборчивая речь), чтобы каждый подошел к столу и прошел дальше вот здесь, хорошо? Не нужно ничего бояться, успокойтесь и постарайтесь успокоить ваших детей. Пусть старшие дети успокоят младших. Они плачут не от боли. Они чувствуют слегка горький вкус, они плачут не оттого, что им больно. Энни МакГован, пройди, пожалуйста ...

Макилвейн: ...чем я занимался, прежде чем пришел сюда. Позвольте, я расскажу вам об этом; думаю, многих это может немного успокоить. Пожалуйста, сядьте и успокойтесь. Кроме всего прочего, чем я раньше занимался, была терапия. Та разновидность терапии, которой я занимался, заключалась в работе с реинкарнацией и погружением в ситуации прошлой жизни. И каждый раз, когда кто-то погружался в свою прошлую жизнь, я направлял их далее, для того чтобы они могли

пройти всю ее вплоть до переживания собственной смерти. И каждый, кто сделал этот шаг на другую сторону, был так счастлив.

Джонс: Когда вы это примете... единственное, что вам остается, это сделать шаг в этом направлении, это единственное направление, в котором можно будет идти.

(на фоне: плач детей и музыка)

Джонс: Будьте уверены в этом выборе, это уже не наш выбор. От нас ничего не зависит.

Макилвейн: Представьте, что ваше тело искалечено и вдруг вы приобретаете тело, которое вам бы хотелось иметь.

(на фоне: плач детей)

Джонс: Успокойте своих детей... это то, что даст им немного покоя, немного покоя. Успокойте детей.

Макилвейн: Вы почувствуете себя хорошо, вам никогда еще не было так хорошо, я говорю... вам никогда еще не было так хорошо, такие будут ощущения.

(на фоне: крики детей)

Джонс: И я очень надеюсь, что те адвокаты останутся там, где они должны быть, и не появятся здесь... почему они?..

Неизвестный мужчина: Что случилось?

Джонс: Что это?.. Что сделали?.. Тяжело. Это тяжело, это тяжело... только поначалу, это тяжело только поначалу. Это тяжело только поначалу. Живые, вы, вы смотрите на смерть. Но она только выглядит так... жить намного, намного тяжелей. Просыпаться каждое утро и не знать, что принесет тебе ночь. Это намного тяжелей. Это намного тяжелей.

Неизвестная женщина: Я только хочу сказать кое-что всем тем, кто, как я вижу, стоит здесь и плачет. Вам не о чем плакать. Это то, чему мы все должны радоваться. Мы должны быть счастливы, что всё так вышло. Нам всегда говорили, что мы должны плакать при появлении на свет, но когда мы уходим из него, мы уходим мирно... Я повторяю, вы должны этому радоваться. Я только что думала о Джиме Джонсе. Он только страдал, и страдал, и страдал. Он единственный бог, и у него даже нет шанса насладиться своей смертью здесь. (звучат аплодисменты и голоса) ...Я хотела сказать еще кое-что. Только одну вещь. Ушли немногие, здесь осталось большинство. Он все еще путь... это не все из нас, это пока еще не все. Только немногие мертвы. У кого-то есть шанс добраться... до тех, кому они смогут сказать ...свою ложь. И теперь, я говорю, я вижу, что так много людей плачет, я бы хотела, чтобы вы не плакали, а лучше поблагодарили Отца, просто поблагодарите его. Я скажу вам о... (аплодисменты и возгласы) ...Я живу здесь год и девять месяцев, и еще никогда в жизни не чувствовала себя лучше. Даже в Сан-Франциско, а только здесь, в Джонстауне. Я наслаждаюсь этой жизнью. У меня была прекрасная жизнь. Я считаю, мне не о чем плакать. Мы должны радоваться. Во всяком случае, я счастлива. Давайте же будем вместе...

(на фоне: аплодисменты, возгласы, музыка)

Неизвестная женщина: ...меня бы уже не было в живых. Я только хотела бы поблагодарить Отца, потому что он единственный, кто поддержал меня, когда я в нем нуждалась, спасибо тебе, Отец.

Неизвестная женщина: (неразборчивая речь) ...и я рада, что вы мои братья и сестры, и я рада быть здесь... хорошо.

Джонс: Прошу вас... ради Бога, давайте поторопимся с тем, как мы жили... мы жили так, как никто другой не жил и не любил. Нам принадлежало так много в этом мире, сколько можно было получить. Только давайте покончим с этим. Давайте покончим с этими мучениями... (аплодисменты и крики) Намного, намного тяжелей, когда приходится наблюдать, как вы день за днем постепенно умираете, вы умираете с самого детства до тех пор, пока ваши волосы не начинают седеть. ...бесчестно, и я уверен, они за это заплатят, они заплатят за это. Это революционное самоубийство. Это не самоубийство с целью самоуничтожения. Так что они за это заплатят. Они довели нас до этого, и они за это заплатят. Я предоставляю их такой судьбе.

(плач детей)

Джонс: ...кто хочет уйти со своим ребенком, имеет на это право. Я думаю, это гуманно. Я хочу уйти... И все-таки я хочу увидеть, как вы уходите. Они могут взять меня и делать со мной всё, что хотят. Я хочу увидеть, что вы ушли. Я не хочу видеть, как вы проходите через этот ад снова. Хватит, хватит, хватит.

(плач детей)

Джонс: ...Мы стараемся. Если все расслабятся. Лучшее, что вы можете сделать — это расслабиться, тогда у вас не будет никаких проблем. У вас не будет проблем с этим, если вы просто расслабитесь.

Неизвестный мужчина: ...дети... многое благодаря Джиму Джонсу. И то, как дети теперь лежат, мертвые... я бы скорее хотел видеть их такими, чем видеть, как им придется умереть, подобно евреям, это принесло много скорби. И я только хотел бы поблагодарить Отца за то, что он дал нам как жизнь, так и смерть, и я ценю то, как уходят из жизни наши дети, ведь, как сказал Отец, когда они появятся здесь, они зверски убьют наших детей — вот то, что они собираются сделать с нашими детьми. А тем, кого они возьмут в плен, просто позволят вырасти и стать марионетками, какими они хотят их видеть, они не вырастут социалистами, каким является только Джим Джонс. Так что я хочу поблагодарить Отца за то, что он дал возможность Джонстауну стать не таким, каким он мог бы стать, а таким, какой он есть. Спасибо тебе, Отец.

(аплодисменты)

Джонс: Не нужно ничего бояться. Не нужно ничего бояться. Это друг, это друг. Вы сидите там. Покажите свою любовь друг к другу... (неразборчивая речь) ...давайте успокоимся, давайте успокоимся, давайте успокоимся.

(крики детей)

Джонс: ...нам... нам больше ничего не оставалось, мы не можем, мы не

можем отделиться от своих людей... (пауза, звучит плач детей) Двадцать лет, проведенных в каком-то старом гниющем доме престарелых... (пауза) ...мы прошли через все эти мучительные годы. Они взяли нас и заковали в цепи, и это ничто... (заикаясь) ...ничто не может сравниться с этим. Они лишили нас нашей земли, они взяли нас и вели, пока мы не попытались найти себя сами... мы пытались найти новое начало, но уже слишком поздно. Вы не можете оставить своих братьев и сестер. Я ни в коем случае не сделаю этого. Я отказываюсь. Я не знаю, кто сделал выстрел, я не знаю, кто убил конгрессмена. Но поскольку я имею к этому прямое отношение, это я убил его. Вы понимаете, о чем я говорю? Я убил его. Ему здесь нечего было делать. Я говорил ему, чтоб он тут не появлялся... (длинная пауза) ...умрите с достоинством, умрите, сохраняя достоинство. Оставьте свою жизнь, сохраняя достоинство. Не надо умирать со слезами и страданиями. Как сказал Мак, в смерти нет ничего сложного. Это всё равно что переход на другой уровень. Не надо, не надо вести себя так. Прекратите эту истерику... Социалистические коммунисты не должны так умирать... Для нас нет другого способа умереть. Мы должны умереть с достоинством ...

Неизвестный мужчина: Правильно... (пауза)

Джонс: ...скоро у нас не будет выбора. Сейчас у нас есть некоторый выбор. Вы думаете, они пошлют, они позволят этому случиться и оставят нас в покое с этим?..

Неизвестный мужчина: Ты сошел с ума...

Джонс: Дети, это всего лишь успокоительное... О Господи...
(плач детей)

Джонс: ...Мама, мама, мама, мама, мама, пожалуйста, мама, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не делай, не делай этого, не делай этого... оставь эту жизнь вместе со своим ребенком, только не делай этого...

Неизвестная женщина: ...делаю это ради тебя...

Джонс: Свободна наконец.
(аплодисменты)

Джонс: ...пожалуйста, держите себя в руках, держите себя в руках... дети, вам не будет больно, если вы, если вы успокоитесь, если вы успокоитесь.

(плач детей, гул, музыка, пауза)

Джонс: Говоришь, этого никто раньше не делал? В прошлом это делало каждое племя, каждое племя, которое подвергалось истреблению. Сейчас это делают все индейские племена, живущие в лесах Амазонки. Они отказываются рожать детей. Они убивают каждого ребенка, который появляется на свет, потому что не хотят жить в таком мире. Так что будьте терпеливы, будьте терпеливы... смерть — это... Я повторяю, мне всё равно, сколько воплей вы слышите, мне всё равно, сколько криков ужаса... смерть в тысячи раз предпочтительней еще десяти дней такой жизни. Если бы вы знали, что вас ждет, если бы вы знали, что вас

ждет, вы были бы рады сделать этот шаг сегодня. Смерть, смерть, смерть для всех одна... эскимосы тоже принимают смерть, сделав один шаг. Давайте, давайте вести себя достойно. Если вы прекратите говорить им, что они умирают, если вы, взрослые, прекратите этот абсурд... Взрослые, взрослые, взрослые, я призываю вас прекратить эту абсурд. Я прошу, чтобы вы перестали волновать своих детей, в то время как они всего лишь обретают покой. Я призываю вас сейчас же прекратить это. Если у вас есть хоть какое-то уважение... Мы черные, гордые и мы социалисты, или кто же мы? Теперь прекратите эту бессмыслицу, не нужно этого больше, вы возбуждаете своих детей.

Толпа: Верно, верно.

Джонс: Всё кончено, и это хорошо. Нет, не нужно сожалеть о том, что всё кончено. Я рад, что всё закончилось... Поспешите, поспешите, дети мои, поспешите. Говорю же, нам нельзя попасть в руки врагов. Поспешите, дети мои. Поспешите... остались еще пожилые люди, я беспокоюсь за них. Поторопитесь, я не хочу оставить пожилых в этой неразберихе. Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее, быстрее... сестры, прекрасно вас понимаю... больше никакой боли... я сказал, больше никакой боли, Эл, больше не будет боли. Прямо сейчас Джим Кобб лежит на аэродроме, мертвый...

(одобрительные восклицания и аплодисменты)

Джонс: ...помните, как та женщина, мать Оливера, сказала, что она, она пришла бы и убила меня, если бы ее не остановил сын. Вот, вот эти люди, несущие ненависть. Теперь мы платим своими жизнями. Мы не позволим им отобрать нашу жизнь. Мы платим своими жизнями ...

(голоса на фоне)

Джонс: ...не отнимаем их жизни. Мы всего лишь хотим мира.

Неизвестный мужчина: И я хотел бы сказать, что в моих так называемых родителях столько ненависти.

Голос на фоне: Хорошо, хватит, хватит, хватит, дети, хватит плакать, перестаньте.

Неизвестный мужчина: ... измена. Я думаю, вам, кто находится здесь, лучше подумать о том, как были бы рады ваши близкие, потому что дети обрели покой, и теперь я могу только сказать, что благодаря Отцу я готов к этому и стал достаточно сильным, чтоб это выстоять. Спасибо тебе...

Джонс: Позвольте мне — им всего лишь нужно выпить напиток, это для того, чтобы уснуть... Смерть — это сон... Я знаю, но я устал от всего этого.

Неизвестная женщина: ...прекрасное, что мы могли когда-либо совершить, самое прекрасное, что все мы могли когда-либо сделать, и для меня было радостью быть со всеми вами в этой революционной борьбе. Я бы ни за что не пошла другим путем, кроме как посвятить свою жизнь социализму, коммунизму, и я очень, очень благодарна Отцу.

Неизвестная женщина: Это, это любовь и милосердие Отца, его великодушие и доброта привели нас в этот мир свободы, его любовь, его

мать была продвинутым, продвинутым гидом к социализму, и его любовь, его милосердие будут длиться вечно... вплоть до (неразборчивая речь)...

Джонс: (неразборчивая речь) ...Где бак, где бак, где бак? Где бак с зеленой отметкой С?

Неизвестная женщина: Любовь вечна (неразборчивая речь) ...спасибо тебе, Отец.

Джонс: Пожалуйста, нужен бак с зеленой отметкой СН. Принесите его сюда, чтобы взрослые могли начать... умоляю вас, последуйте, последуйте моему совету, вы будете жалеть... вы будете жалеть... (неразборчивая речь) ...если мы этого не сделаем, они сделают это.

Голоса на фоне: Верно, верно.

Джонс: ...Должны доверять, вы должны сделать шаг... Мы всегда пели: «Этот мир, этот мир не наш дом». Да, это именно так. ...Мы говорили, что он никогда им не был... Вы говорите, он не хочет. Он сделает всё, что мы ему скажем. Объясните этим... Кто-нибудь может объяснить этим детям, что это тихий переход на другой уровень? Это показало бы пример остальным. Одна тысяча людей повторяет: «Нам не нравится такой мир»...

Толпа: Верно, верно.

Джонс: ...(неразборчиво) ...забрать наши жизни, мы заплатили ими, мы устали. Мы не совершали самоубийства. Мы совершили акт революционного самоубийства, выразив протест условиям нечеловеческого мира...

(Конец речи Джима Джонса, звучит музыка, затем наступает тишина)

Аудиозапись: <http://archive.org/details/ptc1978-11-18.flac16>

Переводчик: Шелетун А.В.